

Н. С. ХРУСТАЛЕВА-ФРЕЙНКМАН,

доктор психологических наук, Центр психологической адаптации эмигрантов (Берлин)

ПРОБЛЕМА ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Современные интенсивные поиски отечественной наукой наиболее эффективных форм гуманитарного образования как области гуманитарной культуры требуют учета и опыта русских эмигрантов — философов, культурологов, педагогов.

Русская эмигрантская педагогика была органически связана с российским опытом, с философской мыслью и духовной культурой России. Нами проанализированы (впервые в нашей литературе) капитальные труды по философии образования.

Характерно появление в 1922 году во Фрейбурге (Германия) фундаментального труда С. И. Гессена “Основы педагогики”, подлинной энциклопедии философской педагогики.

Во введении автор выдвигает мысль: педагогика неотделима от философии, она может быть названа прикладной философией. Следовательно, “...история педагогики есть часть или, если угодно, отражение истории философии. Платон, Локк, Руссо, Спенсер — все это имена не только реформаторов в педагогике, но и представителей философской мысли”. В соответствии со своей неокантианской установкой автор рассматривает философию как “науку о ценностях”. Но эти ценности — “суть и цель образования”, поэтому каждый раздел философии: логика, этика, эстетика — есть в то же время соответствующий раздел педагогики.

Капитальный труд Гессена ценен своим соединением теории и истории педагогики с теорией и историей философии на основе антропологического принципа. Анализируя опыт образования, Гессен исходит из учета роли воспринимающего субъекта — школьника, студента.

Вопросы философии образования и воспитания увлекли в эмиграции и такого видного и авторитетного философа, как С. Франк. Он разрабатывал близкие ему проблемы свободы духа, личности на материале философии образования и воспитания. Критически оценивая черты формирования в процессе образования принудительного коллективизма, Франк рассматривает этот процесс как проявление “американизма”, то есть презрения к духовной жизни, увлечения внешним деланием, техникой в широком смысле слова. Человек такого типа чувствует себя прежде всего солдатом определенной армии, слепым, послушным орудием коллектива. Франк убежден, что нельзя искусственно сформировать “нового человека”. Новые черты будут плодотворны, если прививаются органично, когда учитываются природа человека и испытанные формы его жизни. Никакая ломка этих форм, мгновенная переделка всей человеческой природы — немислимы, это пустые затеи, утопическая фантазия.

Франк подчеркивает недостаточность только умственных способностей и технических навыков. Необходимы в полной мере и качества, относящиеся к внутренней жизни личности: чувство личной ответственности, хотение — внутренний импульс к энергичной и добросовестной деятельности, вера в определенные идеалы и ценности. Иначе говоря, необходима духовно-нравственная культура личности. Таким образом, антропологизм в философии образования проявил еще одну грань — персоналистическую, существенно его обогатившую.

В русском зарубежье в полной мере раскрылась особая форма антропологизма — религиозная, православная. Виднейший ее представитель — протоиерей В. В. Зеньковский, автор не только богословских сочинений, но и “Истории русской философии”, и труда “Проблемы воспитания в свете христианской антропологии”.

В. Зеньковский констатирует внутренний тупик, в котором находится современная ему педагогика. Одной из его причин он считает противоречие между педагогическим процессом, в котором велика роль не только рационального начала, но и вдохновения, и “узостью философских идей нашего времени”. Выход русский мыслитель видит в обращении к антропологии — учению о целостном человеке, причем к христианской антропологии, которая включает не только рассудочные суждения, но и веру, чувство, интуицию, своеобразное ясновидение. Основным процессом в жизни человека признается не чисто физическая и не чисто психическая стороны в нем, а духовная — как основа целостности.

В. Зеньковский признает, что, по сравнению с католической культурой, “идеи православной культуры развиты очень слабо”, хотя в XIX веке к уяснению ее проблем были направлены усилия самых выдающихся людей (Н. Гоголь, Ф. Достоевский, В. Соловьев). Свою задачу Зеньковский видит в развитии этих усилий, а также в использовании педагогических идей антропологического типа, основанных на признании целостности человека.

Осуществленный им анализ проблем христианской антропологии В. Зеньковский рассматривает в контексте истории русской философско-антропологической мысли в ее религиозной интерпретации. Он справедливо называет среди своих предшественников В. Несмелова, П. Флоренского, С. Булгакова, Н. Бердяева, Б. Вышеславцева.

Зеньковский не обходит острых проблем соотношения образования и религии, учитывает настроение большинства педагогов, боящихся возрождения средневекового фанатического насилия над свободной мыслью. Он поясняет, что “религиозное обоснование педагогики совсем не означает возврата к эпохе Победоносцева” (характерно, что эмигрант и религиозный мыслитель ни в какой мере не идеализирует деятельность Победоносцева, в отличие от некоторых современных отечественных авторов).

Философско-антропологическая мысль русского зарубежья разрабатывала и такие проблемы, которые обычно обходились стороной в традиционной педагогической литературе. Речь, в частности, идет о проблемах пола в широком смысле, включая анализ природы и сущности эроса, сексуальной жизни, брака и внебрачных отношений полов, оценки принципиального безбрачия и половой активности.

Одной из таких работ является беседа профессора протоиерея В. В. Зеньковского с юношеством о вопросах пола (“На пороге зрелости”).

Нам представляется, что эта работа принципиально важна в двух отношениях. Во-первых, обращение к ней показывает, насколько односторонними являются суждения ряда советских авторов, которые утверждали, будто в отечественной литературе проблемы пола, сексуальных отношений игнорировались и следует опираться лишь на достижения западной сексологии. Во-вторых, эти работы свидетельствуют о новом этапе в развитии философско-педагогической мысли зарубежья. Опыт русских мыслителей-эмигрантов еще ждет своего дальнейшего изучения и использования.